

УДК 316.812.4

Ф. Н. Ильясов

О РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ И НЕ ТОЛЬКО (ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ)

ИЛЬЯСОВ Фархад Назипович – кандидат философских наук по специальности «прикладная социология». E-mail: fa08@mail.ru.

Отклик Владимира Солодникова на статью «Потребность в детях и репродуктивное поведение» [7] представляет собой обширную дискуссию по многим актуальным проблемам современной социологии. Ряд высказанных им положений и поставленных вопросов, как представляется, предполагает дальнейшее обсуждение. Ниже изложено продолжение дискуссии, приведены некоторые дополнительные аргументы, даны уточнения и ответы на вопросы.

О понятии потребности

Потребность – один из «древнейших» и дискуссионных сюжетов в антропологии. Понимание потребности как нужды довольно распространено в психологии и социологии, помимо указанного Солодниковым Алексея Леонтьева его придерживался, например, и Абрахам Маслоу, автор теории иерархизированных потребностей [11], и многие другие. Однако слова «потребность» и «нужда», все же, имеют сходный смысл. Можно признать синонимичными выражения: «испытывает потребность» и «испытывает нужду, нуждается в чем-то». Иногда в контексте изложения под потребностью понимаются и желания. Определение потребности через нужду сложно признать операциональным: была «потребность» – стала «нужда» (а что такое «нужда»?). Отсюда и сложности анализа.

Потребность мною предлагается понимать не как «источник активности» и не как собственно активность, а как совокупности биосоциальных программ поведения, программ проявления определенных видов активности, заданности осуществлять определенные виды поведения, направленные на получение различных моральных и материальных ресурсов. Именно потребность и есть то, что «придает деятельности определенную направленность». Потребность – это потенция, внутреннее свойство системы, элемент ее устройства, детерминирующий ее поведение. Одна потребность реализуется одним видом программы поведения. Например, пищевая потребность детерминирует («программирует») пищевое поведение, которое «включается» посредством «пускового» чувства голода (или предвосхищением его). А формы удовлетворения пищевой потребности зависят от:

- 1 интернализированных субъектом норм потребления пищи и его кулинарных пристрастий,
- 2 доступности, в том числе экономической, определенной еды,

© Ильясов Ф. Н., 2013

- 3 наличия благоприятной ситуации для приема пищи,
- 4 психофизиологического состояния субъекта, настроения, задающими желаемые вкусовые ощущения, и т. д.

Один объект, например еда, может являться ресурсом для различных потребностей (программ поведения). Процесс потребления еды может удовлетворять различные потребности, например:

- социально-статусные (коллективная, в том числе ритуальная трапеза – общение, дорогая еда – статус),
- половые (как акт сближения или укрепления отношений),
- репродуктивные (кормление детей), и т. д.

О соотношении понятий потребности и мотива. Если потребности понимаются как основные программы поведения, направленные по получение ресурсов, то мотив – это ресурс, стремление получить который побуждает субъекта к действию. Для программы пищевого поведения мотивом является такой ресурс как еда.

Нужно уточнить, что не ресурс, «предмет потребности», например, еда, включает пищевое поведение, а актуализация потребности – чувство голода. Человек и некоторые животные осуществляют «упреждающее» пищевое поведение, исходя из этого, может быть дано соответствующее определение труда: «это деятельность субъекта, направленная на опережающее удовлетворение его потребностей» [10, с. 11]. То есть пищи, «предмета потребности» может еще и не быть, а программа пищевого поведения (поиск, получение, формирование запасов) уже работает.

О понятиях потребности в детях и репродуктивной установки

Владимир Солодников отмечает, что Анатолий Антонов является автором понятия потребности в детях, однако, на основании чего сделано это утверждение, не ясно. Понятие потребности в детях, как представляется, появляется в отечественных публикациях по меньшей мере в 1960-х гг. Оно, например, фигурирует в книге Владимира Борисова «Демография и социальная психология» [3, с. 10], что, с учетом издательского цикла, относит текст к концу 1960-х гг. Если говорить о приоритетах в этой сфере, то можно указать, что Анатолий Антонов предложил первое определение понятия потребности в детях [2, с. 115], которого придерживаются многие отечественные исследователи.

Солодников пишет, что понимания потребности в детях Анатолия Антонова и мое совпадают, что не вполне соответствует реальности. Антонов понимает потребность в детях как свойство (состояние) индивида испытывать затруднения как личность без наличия детей или подобающего их числа [1, с. 115; 2, с. 17]. Мое понимание: «потребность в детях – это программы репродуктивного поведения, направленные на получение различных видов репродуктивных ресурсов» [7, с. 170]. В некоторой мере схожая точка зрения высказывалась Валерием Елизаровым [6, с. 81].

Владимир Солодников обсуждает вопрос о том, существует или нет специфическая потребность в детях. Если под такой потребностью понимать программы репродуктивного

поведения, то можно признать существование потребности в детях, так как мы видим – репродуктивное поведение реализуется, значит, советующие программы поведения «работают».

Потребность в детях имеет связь с браком не функциональную, а статистическую, потому фактор брака в статье не рассматривался. Потребность в детях непосредственно не связана с фактором брачности/внебрачности ребенка, как и репродуктивное поведение не обязательно связано с вступлением в брак. Уровень удовлетворенности потребности в детях задается фактом реализованности различных форм репродуктивного поведения.

Солодников отмечает, что нельзя игнорировать «отмеченную и доказанную» Сергеем Голодом «закономерность автономизации брачного, сексуального и репродуктивного поведения». Указанный феномен, отмечавшийся разными исследователями, в частности Вильгельмом Райхом в его книге «Сексуальная революция» [12], безусловно, важен. Однако в обсуждаемой статье разделение полового и репродуктивного поведения рассматривалось вне связи с браком, а в контексте разделения видов доминирования – властного, экономического и репродуктивного. Это было основанием для дальнейшего выделения и анализа доминантного-субдоминантного полового и репродуктивного поведения.

Нельзя согласиться с мнением, что количество детей «является доминантой побудительной функции репродуктивной мотивации», в качестве доминанты могут выступать различные репродуктивные потребности.

Солодников задается вопросом: «В чем содержательное различие потребности в детях и репродуктивной мотивации...?» Репродуктивные мотивы – это ресурсы, стремление получить которые побуждает человека к репродуктивному поведению. Потребность – это программа, мотив – это детерминация, «включатель» программы.

Солодников отмечает: «Внутренне противоречивым выглядит утверждение о том, что поведение выражается посредством... готовности к нему: «Репродуктивное поведение выражается посредством репродуктивных установок – совокупности представлений и настроений субъекта, свидетельствующих о его готовности (предрасположенности) реализовывать определенные типы репродуктивного поведения». Возможно, редактор статьи сделал цитированное высказывание несколько метафоричным. В оригинале было: «Репродуктивное поведение **реализуется** посредством системы репродуктивных установок – совокупности представлений и настроений субъекта, **отражающих** его готовность (предрасположенность) реализовывать определенные типы репродуктивного поведения». То есть поведение реализуется посредством системы установок – готовности (предрасположенности) вести себя определенным образом (в определенной ситуации). К примеру, если у субъекта есть установка «размножаться» (и ситуация это позволяет), то он будет «размножаться».

Об инфантильности и социальном возрасте

Понятие инфантильности в социологии сопряжено с понятием социального возраста. Инфантильность есть существенное отставание нормативного социального возраста от календарного. Такое отставание может измеряться при сравнении усвоенных социальных норм и возрастных ролей старшего и младшего поколений, либо при сравнении лиц одного поколения.

Социальный возраст измеряется не годами, а социально-возрастными категориями типа: ребенок, подросток, родитель, патриарх. Нормативность определяется статистической связью усвоенных норм и ролей с определенными возрастными группами. Каждой социально-возрастной категории присваивается определенная совокупность усвоенных социальных норм и принятых социально-возрастных ролей. Если представить социальный возраст в виде шкалы, то делениями шкалы выступят социально-возрастные категории (ребенок, родитель и т. д.), а индикаторами отнесения к делениям шкалы – совокупность усвоенных социальных норм и усвоенная, принятая респондентом социально-возрастная роль.

О понятиях поведения и деятельности

Владимир Солодников задается вопросом – в каком смысле в статье использовалось понятие поведения? Ранее в социологии обсуждалось различие понятий: поведение – деятельность – действие – поступок. Анализ их соотношения мы можем видеть, например, в упоминавшийся выше книге Владимира Борисова [3]. Поведение – наиболее общая характеристика активности, деятельность – более конкретная, а действие и поступок – понятия, отражающие нормативную активность, содержащие элемент социальной оценки. Поведение рассматривалось как понятие, охватывающее все формы активности, деятельность – более конкретные, действия – как сознательная деятельность, поступок – как осознанный общественно значимый акт.

В последние десятилетия, как представляется, в рамках продолжающейся институционализации, произошло большее обособление таких наук, как психология, социальная психология и социология. Некоторые существенные для психологических наук феномены вышли из предметного поля социологии либо приобрели свою отраслевую специфику. В связи с чем, вероятно, для социологии различие понятий поведение, деятельность и т. д. во многом утратило свою актуальность, т. к. она изучает поведение больших социальных групп, понятия поведения и деятельности используются больше как синонимические. В современной социологии, как правило, слово поведение используется в самом общем смысле как любая реакция, пассивная или активная, действие или бездействие, фиксируемые социологическими методами измерения.

Насколько можно понять из контекста, Инна Девятко в своей книге «Социологические теории деятельности и практической рациональности» [4], на которую ссылается Солодников, использует как синонимы выражения: социальное поведение, социальное действие, деятельность. Выражение «деятельностная парадигма» в современной социологии, которое использует Солодников, в данном контексте остается не проясненным.

О соотношении патосоциологии и психиатрии

Владимир Солодников отмечает: «среди психических заболеваний нет такого невроза» (потребительского – Ф. И.). Из чего можно заключить, что он неврозы относит к психическим заболеваниям. Здесь мы выходим за рамки социологии, но, вероятно, невроз не относится к психозам, а понимается больше как расстройство поведения, эмоциональное расстройство. К тому же есть еще специфическое понимание невроза в психоанализе. Касательно же того, что некое расстройство поведения не включено в 10-й пересмотр, то надо заметить, на то

они и пересмотры, чтобы включать или исключать, менять название расстройств. То, чего не было вчера, есть сегодня, и наоборот. Пересмотры отражают клиническую практику, но не предшествуют ей.

Понятно, буквальное соотнесение психиатрии и клинической психологии с патосоциологией не вполне корректно. Например, понятие массового психоза существует в социологии давно, а в медицине его нет, из этого не следует, что рассуждения о массовых психозах беспочвенны. Патосоциология использует термины психиатрии и клинической психологии в значительной мере как метафоры, находя некоторую общность в патологическом поведении отдельных индивидов и социологических групп (пример использования термина маниакально-депрессивный психоз в патосоциологии [9]).

Зигмунд Фрейд, как известно, рассматривал религиозность как форму поведения, содержащую признаки невроза [14, 15], такого невроза нет в МКБ-10, но указанное понимание Фрейда помогает полнее понимать религиозность при социологическом анализе.

Об инстинктах и рефлексах

Действительно современные антропологи редко используют понятие инстинкта применительно к человеку, однако, как представляется, это больше влияние представлений о видовой исключительности Homo Sapiens. Не будет сильным преувеличением сказать, что людям свойственны практически все виды инстинктов и потребностей (как программ поведения), присущие другим высшим животным, см., например [5; 13]. В общем случае под инстинктом понимают совокупность врожденных или частично генетически обусловленных рефлексов¹, реализующих ту или иную форму инстинктивного или основанного на инстинкте поведения. Социальные рефлексы реализуют генетически заданное, но и социально обусловленное поведение. Репродуктивное поведение реализуются через систему как врожденных, так и социальных рефлексов. «Под социальным рефлексом... понимается спонтанная, слабо контролируемая сознанием социальная (то есть направленная на реализацию групповых связей и отношений) поведенческая реакция на определенные общественные обстоятельства» [8, с. 18]. Более подробно о социальных рефлексах можно посмотреть [8, с. 12–21].

Солодовников ставит вопрос: «Насколько, например, адекватным является использование понятия «потребность в детях» применительно к видовому тиражированию генетического кода?» Речь в статье шла о рационализации репродуктивного рефлекса нормами «продолжения рода, фамилии», следовании импульсу «оставить после себя потомство». Если же говорить об архетипах, то можно предполагать существование «архетипа многодетности».

О репродуктивном рефлексе и норме детности

Солодовников задается вопросом: понятие «репродуктивные рефлекс» «явно используется при характеристике социальных форм/уровней поведения – «следование нормам малодетности и бездетности». Насколько это оправдано?» Репродуктивный рефлекс – безотчетное «стремление к неограниченному размножению». У ряда субъектов,

¹ Курт Фабри, на которого ссылается Солодовников, говорил, что этология изучает поведение, основанное на врожденных рефлексах, а зоопсихология – поведение, основанное на обучении.

обладающих физиологической репродуктивной способностью, достаточными материальным достатком, оптимальными социальными условиями и т. п., нет желания обзаводиться детьми. У них просто угнетен, подавлен репродуктивный рефлекс. Поскольку у них активное «рефлекторное» нежелание иметь детей, они рационализируют угнетенность репродуктивного рефлекса социальной нормой – также рефлекторно «выбирают» норму бездетности («чайлдфри»).

О половой социализации и социально-половом импринтинге

Импринтинг у животных – это запечатление поло-видового образа брачного партнера. У птиц, например, генетическая программа запечатления включается и выключается в строго определенные дни после появления на свет и это хорошо показывается в экспериментах. Можно полагать, что у человека срабатывает аналогичная программа поло-видового импринтинга, однако она не имеет жестких границ и, возможно, в меньшей мере поддается экспериментальной проверке. Кроме того у человека помимо видовых, половых, антропологических признаков (тип лица, фигуры и т. п.) могут иметь значение и социальные – этнос, религиозная принадлежность, социальный статус и т. д. Исследования показывают, что у людей могут быть определенные, более или менее конкретные антропологические и социальные предпочтения в выборе полового и брачного партнера, однако они обладают большой вариативностью, что может быть обусловлено и возможной генетически заданной полигамностью. При этом критерии выбора брачного партнера могут отличаться от критериев выбора полового партнера, чем, вероятно, отчасти обусловлен, не подразумевающий репродуктивного поведения, феномен супружеских измен, в том числе с использованием услуг проституток.

Последовательность этапов половой социализации на схеме носит гипотетический характер и отражает не функциональную связь между этапами, а статистическую, и речь идет о доминировании того или иного процесса на определенных этапах жизни. Как видно из схемы, процесс половой социализации имеет непрерывный характер, отдельные стадии его могут повторяться в течение жизни, иногда меняя при этом качество социализируемого субъекта. Известно, что образ предпочитаемого полового партнера может меняться, субъект может от гетеросексуальных контактов переходить к бисексуальным и гомосексуальным. Может модифицироваться и видовой образ партнера – в случае, например, зоофилии. Понятно, что может меняться и образ предпочитаемого брачного партнера.

О методах измерений

Солодовников пишет о варианте метода контролируемых ассоциаций названным семантическим дифференциалом (СД), разработанным Чарльзом Осгудом в 1957 г.. Метод контролируемых ассоциаций позволяет измерять различия в восприятии всевозможных стимулов и, как представляется, имеет большой потенциал для разработки методик измерения² (возможно и в сфере измерения репродуктивных установок). Если иметь в виду

² В РФ, например, запатентована одна из модификаций метода контролируемых ассоциаций, измеряющая такие свойства рекламных стимулов, как запоминаемость, привлекательность, понятность, социально-групповая идентичность и побудительность, – Патент РФ №2293517 от 20.02.2007 на изобретение: «Способ определения активности влияния рекламного стимула на потребителей» (специальное название: метод стимульного дифференциала).

начальный («классический») набор шкал СД, то предполагалось, что он измеряет координаты объекта измерения в гипотетическом семантическом пространстве испытуемого (респондента) по таким метафорическим факторам-параметрам как «оценка», «сила» и «активность». Однако анализ СД дает основания полагать, что указанные метафоры остаются лишь метафорами, так как не измеряет никакой реальности, факторы «оценка, сила, активность» не отражают каких-либо конкретных, реальных свойств объекта измерения. То есть проблема валидности метода СД представляется не решенной. Правда СД обеспечивает хорошую повторяемость результатов, но это скорее свидетельствует только о высокой надежности самого метода контролируемых ассоциаций. Основная проблема метода контролируемых ассоциаций – валидность, т. е. определение того, какие именно различия измеряются, какая реальность отражается.

Если говорить о методах «изучения причинности» путем обращения к обыденному сознанию и интуиции, о которых пишет Солодников, то для социологии, как представляется, это довольно экзотическая сфера, пока мало что дающая в дополнение к традиционным методам. Солодников не приводит примеров использования этих методов при исследовании репродуктивного поведения, как и не уточняет, какие из сфер в предметном поле потребности в детях и репродуктивных установок должны измеряться, что затрудняет комментарии, связанные с измерением.

Основным предметом измерения в социологии репродуктивного поведения являются репродуктивные установки. Они, как было указано выше, представляют собой совокупность представлений и настроений субъекта, отражающих его готовность (предрасположенность) реализовывать определенные типы репродуктивного поведения, а также уже совершенные действия. При измерении репродуктивных установок чаще всего используются такие индикаторы как: идеальное (предпочитаемое), желаемое, ожидаемое (планируемое) и фактическое число детей. Для получения полной картины, при измерении установок предлагается измерять состояние всех элементов установки:

- представления, возможные индикаторы – мотивы, знания, идеологемы, мифы;
- настроения, индикаторы – определенные чувства, отношения, эмоции;
- действия, планируемые и совершенные.

На основе чего возможно построение индекса. Для этого необходимо более детальное исследование всех элементов структуры установки с целью создания социологического инструментария.

Литература

- 1 Антонов А. И. Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980.
- 2 Антонов А. И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи // Вопросы теории и методов социологических исследований. М.. 1974. С. 17-32.
- 3 Борисов В. А. Демография и социальная психология. М.: Мысль, 1970.
- 4 Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.

- 5 Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы: беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Педагогика-пресс, 1994.
- 6 Елизаров В. В. Перспективы исследования семьи: анализ, моделирование, управление. М.: Мысль, 1987.
- 7 Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения: эконом. и социал. перемены. 2013. № 1. С. 168–177. URL:
http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/2013/1/2013_113_19_И%60yasov.pdf.
- 8 Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг: искусство и наука побеждать на выборах. М.: ИМА-пресс, 2000.
- 9 Ильясов Ф. Н. Большевизм: норма или отклонение? // Вестник Российской Академии Наук. 1996. № 1. С. 46-54.
- 10 Ильясов Ф. Н. Удовлетворенность трудом: (анализ структуры, измерение, связь с производств. поведением). Ашхабад: Ылым (Наука), 1988.
- 11 Маслоу А. Мотивация и личность. Пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008.
- 12 Райх В. Сексуальная революция. М.: АСТ, 1997.
- 13 Тинберген Н. Социальное поведение животных. М.: Мир, 1993.
- 14 Фрейд З. Тотем и табу: психология первобыт. религии и культуры. СПб.: Лениздат, 2013.
- 15 Фрейд З. Будущее одной иллюзии. М.: АКТ, 2011.